

Заглавие документа:

Уланович, О.И., Колпинская, О.А. Переводческое восприятие как универсальная конфигурация вербально-когнитивных механизмов и социальных компетенций специалиста / О.И. Уланович, О.А. Колпинская // Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст./ Белорус. гос. ун-т; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 29 – 37.

Авторы: Уланович, Оксана Ивановна; Колпинская Ольга Александровна

Тема: Переводоведение

Дата публикации: 2014

Издатель: Белорусский государственный университет

Аннотация:

Основой технологии перевода является успешность реализации каждого этапа перевода, включая ряд промежуточных звеньев. Успешность этапа декодирования – восприятия и понимания сегмента текста оригинала – непосредственно детерминирована степенью сформированности механизма прогнозирования – комплекса интеллектуальных действий по языковому, речевому и смысловому прогнозированию, реализуемому на следующих уровнях соответственно: сенсорном (прогнозирование формы сообщения на уровне графических и акустических символов), перцептивном (прогнозирование на уровне слов, фраз, клише), смысловом – прогнозирование содержания всего сообщения. Построение лингводидактического процесса в соответствии с выявленной моделью прогностической активности переводчика обеспечивает формирование перцептивной готовности специалистов за счет рационализации с учетом условий перевода глубины и полноты восприятия и понимания оригинала.

Уланович О.И., Колпинская О.А.

**ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ
КОНФИГУРАЦИЯ ВЕРБАЛЬНО-КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ И
СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТА**

В статье представлены результаты экспериментального исследования эффективности функционирования механизма прогнозирования в контексте восприятия оригинала при переводе. Сравнение успешности прогностической активности при восприятии речи на родном и иностранном языках, а также при восприятии тестов различной функциональной направленности позволяет сделать выводы относительно качественных характеристик переводческих

компетенций, а также в отношении ряда аспектов переводческой лингводидактики.

Ключевые слова: восприятие речи, механизм прогнозирования, сенсорный, перцептивный и смысловой уровни речевосприятия, смысловое восприятие, переводческая лингводидактика.

На фоне детальной научной интерпретации общекогнитивного явления восприятия с позиции его свойств, принципов, эффектов и результата, а также глубокой изученности восприятия, в частности, речи, проблема восприятия текста в контексте перевода так и не снискала должного внимания ученых и рискует остаться непознаваемой вещью в себе. Можно утверждать, что переводческое речевосприятие уникально с позиции как процессуального, так и результативного своего аспектов и представляет самоценный предмет исследования в контексте парадигмы когнитивистики. Только рассматриваемое как когнитивное явление переводческое восприятие речи имеет шанс быть изученным как комплекс когнитивно-коммуникативных механизмов и стратегий, что позволит обеспечить целенаправленное управление этими механизмами и стратегиями с целью рационализации переводческой деятельности.

Перевод как особый вид речевой деятельности представляет собой сложное билингвальное явление, процесс двуязычной перцептивно-продуктивной, реактивно-инициативной коммуникации, требующий высокоинтенсивной аналитико-синтетической работы органов чувств и мозга. В предлагаемой нами лингво-когнитивной модели перевода речевая переводческая деятельность рассматривается как реализуемая в следующем комплексе ключевых фаз: Ф 1 – текст на языке оригинала, Ф 2 – восприятие оригинального текста, Ф 3 – декодирование текста с языка оригинала и формирование ментального образа как результат понимания сообщения, Ф 4 – кодирование смыслового содержания на язык перевода, Ф 5 – вербализация текста на языке перевода в устной или письменной форме, Ф 6 текст на языке перевода [4, с. 88]. В отличие от лингвистики перевода, трактующей перевод как не более, чем двухоперационный процесс ((а) выбор адекватного переводческого приема (трансформации) через анализ языковых и неязыковых, ситуативных и контекстуальных условий перевода и (б) применение переводческого приема), данная модель постулирует принцип: *понимание предворяет действие*. Таким образом, перевод – это не простое «перетекание» некоторого содержания из одной языковой формы в другую, а неизбежно опосредованный активной работой сознания переводчика процесс.

Единство аналитико-синтетической работы мозга на разных этапах перевода можно интерпретировать следующим образом. Процессу собственно понимания оригинала предшествует сенсорное восприятие (зрительных или слуховых) материальных знаков. Затем осуществляется декодирование (осмысление) как отдельных слов, фраз, предложений, так и целостного сообщения, имеет место переход от формы языкового знака как материального объекта – плана выражения высказывания – к плану его содержания. В зависимости от результата осмысления

(положительного или отрицательного) имеет место понимание или непонимание информации. В случае осмысления и понимания информации происходит формирование ответного речевого действия. В переводе ответное действие реализуется как кодирование информации на язык перевода и дальнейшая вербализация сообщения. В случае непонимания ответные действия либо не адекватны, либо вообще не реализуются. При наличии объективной возможности (восприятие письменного текста) имеет место повторное осмысление информации, зачастую включающее уже произвольный грамматико-синтаксический анализ текста оригинала.

Механизмом рационализации речевосприятия при переводе выступает *прогнозирование*, возможное благодаря принципиальной избыточности речи (более 70 % [2, с. 87]) и реализуемое на всех ее уровнях: уровне звуко-буквосочетаний, лексико-семантическом, синтаксическом и содержательно-смысловом уровнях. Работа механизма прогнозирования заключается в быстром и эффективном выдвигании гипотез относительно как вербальной формы текста, так и его содержания и смысла через активное предугадывание наиболее вероятного развития текста по всем направлениям (формы и содержания), восполнение имплицитной информации посредством активации структур долговременной памяти, что и знаменует достижение понимания сообщения.

По аналогии с уже ставшей классической моделью уровней речевосприятия (сенсорный, перцептивный и смысловой) можно предложить наличие аналогичных уровней прогностической активности реципиента-переводчика при восприятии оригинала.

Прогнозирование на *сенсорном* уровне реализуется в направлении идентификации графических (при чтении) и акустических (при аудировании) символов. Воспринимая речевые единицы в совокупности их семантики и составляющих их звукоизобразительных знаков, реципиент способен прогностическим путем восполнять нечетко воспринятые сигналы или же упущенные вследствие семантической плотности речи или ее весомой слоговой и словесной величины.

Прогнозирование на *перцептивном* уровне осуществляется в направлении предвосхищения формы целостных речевых единиц: слов, свободных и фразеосочетаний, синтагм, синтаксических клише. Подобные речевые единицы присутствуют в памяти «зрелого» реципиента в готовом виде, функционируют как единые структуры, позволяют экономить время и резервы оперативной памяти при восприятии сообщений за счет обеспечения грамматико-семантического прогнозирования.

Прогностическая активность на уровне *смыслового восприятия* оригинала предполагает моделирование (как наиболее вероятностной) целостной структуры всего сообщения через уяснение пространственно-временных и причинно-следственных отношений между фрагментами информации: отдельными действиями, сценами, эпизодами.

С целью изучения особенностей формирования и функционирования вербально-когнитивных механизмов переводческого восприятия и, в частности, механизма прогнозирования, у будущих лингвистов-переводчиков, а также

выявления принципиальных процессуально-результативных отличий восприятия речи на родном и иностранном языках, нами было проведено экспериментальное исследование, разработанное на основе вышеизложенных теоретических положений.

Экспериментальным материалом послужили следующие выбранные нами тексты: публицистическая статья «Ten years of “Courier International”» и профессионально выполненный вариант ее перевода «Десять лет “Курьер Интернасьональ”», взятые из англоязычной и русскоязычной версий журнала Label France (2007 г.); научный текст «What is a computer?» и его профессионально выполненный вариант перевода «Что такое компьютер?», взятые из англоязычной и русскоязычной версий научного журнала European Researcher (2009 г.); художественный текст – цельносмысловый фрагмент из рассказа английского писателя и журналиста Г.Х. Монро (Саки) «Sredni Vashtar» (1911 г.) и аналогичный фрагмент из переведенной русскоязычной версии рассказа «Средни Ваштар». Тем самым был создан параллельный корпус экспериментальных текстов на русском и английском языках.

Подготовка экспериментальных текстов включала их деструктурирование с позиции нарушения связности (линейной лексической, грамматической и семантической) и цельности текста (смыслового единства сообщения).

Для оценки эффективности работы механизма прогнозирования у испытуемых на *сенсорном* уровне восприятия речи деструктурирование экспериментальных текстов предполагало, во-первых, опущение отдельных морфологических элементов в начале, середине, либо в конце слов: «...*столкнулся с серьезным _____* *совым кризисом*» (финансовым), «*мы можем _____* *ставить машину...*» (заставить), «...*сотканы в его _____* *ражении...*» (воображении), “*this out_____ing 154 page issue...*” (outstanding), “...*medicine and edu_____*” (education), “...*coddling li_____tions*” (limitations).

Во-вторых, тексты также подверглись компрессии за счет опущения целых слов различного грамматического и синтаксического класса (существительные, прилагательные, глаголы) с целью их прогностического восстановления испытуемыми и возможности, таким образом, экспериментальной оценки успешности прогностической активности на *перцептивном* уровне восприятия речи: «*в первые годы своего _____*» (существования), «*решают самые сложные проблемы _____*» (науки), «*Конрадину было десять _____*» (лет), “...*has not been _____ its bumps and jolts*” (without), “*computers can be _____ as devices...*” (defined), “...*that _____ the most difficult problems*” (solve).

В-третьих, намеренное нарушение цельности текста – смыслового единства – было реализовано нами за счет изменения логической последовательности эпизодов сообщений. Для воплощения идеи первоначально имела место фрагментация экспериментальных текстов (выделение в текстах относительно завершенных по смыслу фрагментов), далее заданная в оригиналах последовательность была намеренно нарушена в случайном порядке. Тексты при этом оставались доступными для понимания за счет прогностического воссоздания верной хронологии – действия механизма прогнозирования на уровне *смыслового* восприятия.

Восприятие и понимание испытуемыми текстов предполагало воссоздание связности (лексической, синтаксической, семантической) и цельности текста (логики изложения) за счет заполнения пробелов и определения правильного порядка следования фрагментов. Выборка участников эксперимента – 20 человек в каждой серии опытов, общее количество полученных протоколов по результатам восприятия экспериментальных тестов – 120.

Анализ результатов предполагал подсчет правильно восстановленных опущенных элементов текста. Вначале фиксировались результаты каждого испытуемого в отдельности, что позволило далее установить процент воссоздания текстов на каждом из уровней восприятия по всей выборке в целом. Результаты восприятия испытуемыми экспериментальных текстов на русском и английском языках разной коммуникативно-функциональной направленности позволяют оценить эффективность (и степень сформированности) прогнозирования на сенсорном, перцептивном и смысловом уровнях в сравнительном отношении: во-первых, в аспекте языка восприятия (родной – иностранный), во-вторых, с учетом функциональной специфики текстов: публицистический – научный – художественный (таблица 1).

Таблица 1 Успешность восприятия испытуемыми публицистического, научного и художественного текстов на русском и английском языках

Функционально-коммуникативный тип экспериментального текста	Английский			Русский		
	Сенсорный	Перцептивный	Смысловой	Сенсорный	Перцептивный	Смысловой
Публицистический текст	51,35	51	30,6	75	66	36,45
Художественный текст	37,75	43	56,40	44	42	56,45
Научный текст	40,6	50	63,55	57	48	69,2

Замечено, что максимально приближенные по всем уровням показатели для русского и английского языков выявлены по результатам восприятия **художественного** текста. Так, равно невысокие показатели успешности прогнозирования на *сенсорном* уровне (АЯ 37,75% и РЯ 44%) с некоторым все же преимуществом для родного языка, а также на *перцептивном* уровне восприятия художественного текста (АЯ 43% и РЯ 42%) могут однозначно свидетельствовать об очевидном субъективном факторе: невысокой компетенции современной молодежи, в целом, и будущих переводчиков, в частности, в художественном дискурсе. Помимо заметного общего снижения объема читаемой сегодня молодежью художественной литературы можно отметить и уступающие художественной литературой позиции в современном переводообороте в пользу экономического, делового и юридического перевода. Отсюда, художественные произведения, неизбежно изобилующие реалиями, лакунами, авторскими окказионализмами, сленгом, авторскими приемами художественно-эстетической образности (*Conradin hated her with a desperate sincerity* – ‘Конрадин ненавидел ее

с **отчаянной искренностью**»; *such few pleasures gained an added relish from the likelihood* – ‘те маленькие удовольствия получали **добавочный пряный вкус**’) и т.д. требуют полного, внимательного и тщательного восприятия.

Более успешной оказалась прогностическая активность испытуемых на уровне *смыслового восприятия* художественных текстов на обоих языках (АЯ 56,4 и РЯ 56,45). Это, очевидно, объясняется присутствующей в классическом художественном произведении логической сюжетной линией, отчетливо выявляемыми причинно-следственными, временными и пространственными отношениями между эпизодами и сценами, целостной архитектурой художественного произведения.

Наиболее существенно разнятся показатели успешности прогнозирования при восприятии *публицистического* текста на русском и английском языках.

Можно полагать, что согласование лексических единиц в роде, числе и падеже («*столкнулся с серьезным финансовым кризисом*», «*встать на иной профессиональный уровень*» и т. д.), клишированность, а также многосложность русскоязычных слов облегчает прогнозирование целостной формы языковых единиц на *сенсорном* уровне восприятия речи (РЯ 75%). Невысокий в сравнении показатель для текста на иностранном языке (АЯ – 51,35%) объясняется недостаточным иноязычным речевым опытом участников эксперимента.

Традиционно утверждают, что успешность прогнозирования при идентификации графических и фонетических сигналов в контексте букво- и звукосочетаний (на сенсорном уровне) детерминирована факторами типичности, маловероятности и полной невероятности сочетания для норм речи на данном языке. Запускается механизм прогнозирования «сигналами согласования или рассогласования порождаемых или воспринимаемых языковых форм со сложившимися в результате речевого опыта в языковом сознании индивида конкретными эталонами языковых единиц, структурными схемами и метаязыковыми знаниями» [1, с. 138]. Несформированность подобных эталонных языковых структур иноязычной речи в сознании владеющего английским языком как иностранным выступает непреодолимым препятствием для осуществления прогнозирования при восприятии иноязычной речи.

Также существенна разница успешности прогнозирования на *перцептивном* уровне при восприятии участниками эксперимента *публицистического* текста (АЯ 51%, РЯ 66%). Можно говорить о том, что наше языковое сознание наполнено фразовыми клише – речевыми единицами родного языка, построенными по грамматическим правилам («*финансовый кризис*», «*на сегодняшний день*», «*уровень образования*» и т.д.). Эти единицы существуют в памяти «зрелого» реципиента в готовом виде, функционируют как целостные единицы речи, позволяют экономить время и усилия при восприятии сообщений (а также и при порождении речи) за счет обеспечения успешного семантико-синтаксического прогнозирования. Иноязычный лексикон, можно полагать, в большинстве своем не образует в сознании клишированных единств, не «увязан» в некоторые типичные речевые контексты (эталонные структуры), не формирует ассоциативные поля. Это порождает и семантическую амбивалентность, и отсутствие устойчивых семантических связей иноязычного лексикона в сознании

говорящего, что заметно затрудняет работу прогнозирования. Данное предположение подтверждается результатами исследования М.В. Мороз, выявившего, что «языковые единицы родного языка представлены в нашем сознании в более развернутой системе семантических связей и образуют более устойчивые связи с другими словами <...>. Семантические поля иноязычных единиц менее структурированы; связи между элементами зачастую единичны, случайны, ситуативны и индивидуальны» [3, с. 133]. В этом случае, как утверждает автор, «иноязычные слова не концептуализированы и представляют собой доконцептуальный слой иноязычного лексикона» [3, с. 133]

Анализ успешности воссоздания смысловой целостности публицистических текстов на родном и иностранном языках не выявил статистически значимой разницы (РЯ 36,45% и АЯ 30,6%). Столь низкие показатели свидетельствуют о сложности установления каузальных и временных связей между фрагментами масс-медийного текста, не зависимо от языка предъявления материала. Это, вероятно, продиктовано предпочтительной структурной организацией информации в статье в виде инвертированной пирамиды, что вносит элемент человеческого фактора при определении последовательности предъявления фактов в тексте.

Результативность прогностической активности при восприятии *научного* текста на родном и иностранном языках, в целом, заметно ниже, чем при восприятии публицистического текста, но выше, чем художественного.

Статистически значимая разница наблюдается на сенсорном уровне: АЯ 40,6%, РЯ 57%. Замечена некоторая закономерность в успешности прогнозирования фрагментов слов: наиболее успешно восстанавливаются опущенные концовки слов («множество раз _____ задач» (*различных*); «могут быть опре _____ как устройства» (*определены*)), чуть менее успешно – слова с опущенным начальным сегментом («мы можем _____ авить машину сделать то, что мы хотим» (*заставить*); «со сложной сетью электронных _____ водников» (*полупроводников*)); наибольшее затруднение вызывает необходимость прогностического восполнения среднего сегмента лексической единицы («не _____ енно монитор» (*непосредственно*); «раз _____ ают ядра» (*размагничивают*), *помогают нашей ко _____ ке*)» (*космонавтике*)).

Можно полагать, что семантическим ядром научного термина в русском языке является его корневая часть (зачастую именно средний сегмент языковой единицы), что несколько облегчает восприятие даже в случае упущения начала или конца слова. Англоязычный термин, как правило, является атомарной языковой единицей (*magnetize tiny metal cores, punched cards; magnetic tape, disks, and terminals, input device, card reader*). Опускание начального, конечного или среднего сегмента англоязычного термина, несущего в отличие от русскоязычного термина всегда семантическую, а не чисто грамматическую нагрузку, является равно трудной задачей для прогностического воссоздания целостной семантической единицы.

Столь низкий показатель успешности прогнозирования на *сенсорном* уровне при восприятии научного текста на английском языке (40,6%), а также на *перцептивном* уровне восприятия обоих тестов (АЯ 50%, РЯ 48%) подтверждает

также аксиому о необходимости владения переводчиком проблемой перевода, что предъявляет особые требования к уровню общей эрудиции и лингвистическим познаниям переводчика.

Результаты эксперимента выявили наибольшую эффективность прогнозирования на *смысловом* (текстовом) уровне при восприятии научного текста (АЯ 63,55% и РЯ 69,2%) по сравнению с восприятием публицистического текста (обнаружившим самый низкий показатель по этому критерию) и художественного текста (результативность умеренная). Вероятно, строгость, логичность, последовательность и рациональность изложения информации в научном функциональном стиле выступает ключевым детерминантом успешности уяснения целостности сообщения и понимания общего содержания информации.

Таким образом, выявленные различия эффективности прогностической активности при восприятии текстов на родном и иностранном языках разной коммуникативно-функциональной направленности подтверждают необходимость целенаправленной дидактической работы по формированию у будущих переводчиков механизма прогнозирования, бесспорно являющегося ключевым условием рационализации переводческого восприятия. Обнаруженная в эксперименте объективная и субъективная неравнозначность условий перевода (прямой русско-английский или обратный перевод; перевод научного, публицистического или художественного текстов) определяет и неравноуспешность восприятия переводчиком оригинала в разных условиях перевода. Отсюда есть основания предполагать о необходимости более детальной градации переводческих компетенций и о разработке особых технологий их формирования с учетом выявленных нами трудностей восприятия и прогнозирования в разных условиях перевода.

Литература

1. Гохлернер М.М., Ейгер Г.В. Психологический механизм чувства языка // Вопросы психологии. – 1983. – № 4. – С. 137 – 142
2. Гурин И.В. Проблема речевой компрессии в синхронном переводе. Подходы и методы исследования / И.В. Гурин // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2008. – Ч.1. – № 1. – С. 85 – 88.
3. Мороз М.В. Ассоциативная структура сознания в условиях искусственного билингвизма / М.В. Мороз // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сб. науч. статей; под ред. О.И. Уланович. – Минск: БГУ, 2012. – С. 129 – 135.
4. Уланович О.И. Перевод в парадигме деятельностного фрейма: моделирование процесса // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сб. науч. тр. – Минск: БГУ, 2012. – С. 85 – 95.